

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКОЙ ПРИТЧИ

Аннотация. Тема статьи актуальна, поскольку в наше время возрождается интерес к притче в художественной литературе и в науке. В статье изучается проблема термина. Также рассматривается дидактика библейской притчи. Более подробно анализируется притча о милосердном самарянине.

Ключевые слова: Притча, дидактика притчи.

К моменту возникновения христианства люди стали настолько безнравственны, что большинство из них перестали различать добро и зло. Чтобы спасти их, должен был прийти тот, кто смог бы наставить на путь истинный. Можно представить себе, какими безнравственными стали люди, если перед праздником Пасхи в храме занимались продажей скота. «Войдя в храм, Он увидел, что там продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. Сделав бич из веревки, Иисус выгнал из храма всех, также овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. Затем Он сказал продающим голубей: «Возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли»» [Иоанна 2:13-23].

Отношение к Библии современного человечества самое различное. Некоторые рассматривают ее как «послания» Бога к людям, относятся к ней как к Священному писанию. Другие высказывают мнение о том, что Библия есть не что иное, как собрание небылиц, которые могут нанести вред человечеству, воспринимают ее как литературное произведение, созданное человеком, и если к ней относиться таким образом, то следует согласиться с автором ряда работ о Библии И. А. Крывелевым, считающим, что это произведение может быть оценено как «важное историко-культурное явление, заслуживающее внимательного и заинтересованного исследования» [4, 14]. Советский востоковед И. М. Дьяконов стоит на еще более радикальных позициях. Он отмечает: «Мы лучше всего пойдем древнееврейскую («библейскую») литературу, если раз навсегда откажемся расценивать ее – в позитивном или негативном смысле – как какое-то особое, уникальное, то ли боговдохновенное, то ли созданное намеренно для одурачивания народных масс «писание», а будем рассматривать ее как то, чем она является,

одной из ряда литератур Древнего Востока, типологически с ним сходной, не более и не менее религиозной, чем другие, и в целом не более и не менее реакционной или прогрессивной, чем другие» [3, 547]. Как видим, здесь подход сугубо культурологический, уравнивающий Библию с другими явлениями культуры.

Называемая раньше «Книгой книг», Библия теперь становится тем, что «современный человек* не может принять за чтение с сознанием, что это творение Бога и как таковое содержит ответ на все вопросы. Он смотрит на Библию с позиций своих мировоззрения, нравственности, научных знаний, подходит к ней, следуя совету Спинозы: как к творению самого человека, в котором воплотились желания, цели, боль и мечты многих поколений людей, выраженные то в простых неуклюжих словах, то вознесенные на крыльях поэтической фантазии» [2, 10]. Отметим, что такой «современный человек» вообще достаточно узко определяет свою жизненную позицию: построить дом, посадить дерево, родить сына. Библия же учит человека истинным ценностям: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле», «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» [Исход гл. 20].

XX век вообще склонен переосмысливать некоторые ключевые моменты духовной истории с позиций современности, показывать «другую сторону» привычных вещей. Это делается, чтобы подорвать, казалось бы, устоявшиеся представления. Целью нашего исследования не является Библия, нас интересуют те евангельские притчи, которые мы находим в книгах Священного писания и которые органически вошли в современную художественную литературу Запада. В этом плане очень важно рассмотреть также дидактику и философское назначение древней притчи.

Несмотря на то, что мнения существенно разнятся, нельзя не согласиться с тем, что Библия

* Надо учесть, что понятие «современный человек» очень расплывчато, чтобы давать точное определение. Очевидно, автор подразумевает под этим понятием «усредненную личность», которая не воспринимает мир философски и у которой повседневные заботы заслоняют вечные вопросы бытия.

оставила неизгладимый след в культуре человечества. Христианские мотивы прочно вошли в литературу, изобразительное искусство, музыку. Обращение к библейским текстам становится традицией в мировой литературе. Библия служит «призмой», сквозь которую оцениваются события и явления современности.

Словарь В. Даля определяет притчу как «поучение в примере». Современное литературоведение рассматривает ее как «небольшой рассказ в иносказательной форме». Христианские словари и энциклопедии определяют притчу как «особую форму проповеди Христа» [6, 1908], а также говорят, что «притчи, по своему существу, вообще образная форма выражения мыслей; евреи под нею разумели всякую форму выражения, в которой отвлеченная мысль облекалась в образ или сравнение» [6, 1908].

Притча – евр. машаль. Притча, рассказ, взятый из истории или окружающей жизни, цель которого – запечатлеть духовные или нравственные истины. Греческое слово «параболэ» (притча) обозначает также «сравнение», ибо при помощи притчей делают сравнение между естественным и духовным миром [5, 353].

Определения в христианских словарях, на первый взгляд, мало чем отличаются друг от друга. A parable is a saying or story that seeks drive home a point the speaker wishes to emphasize by illustrating it from a familiar situation of common life. In the LXX, parable is used frequently as the equivalent of Heb. , in which the same idea of comparison is present. The plural of mashal is used in the title of “The Proverbs of Solomon”, where however, LXX renders is not by but by , a word occasionally used in NT in the sense of “parable”, as in John 10:6, of the parable (RSV “figure”) of the good shepherd [11, 590].

Обратимся к оксфордскому словарю под редакцией Гросса: «Parable. The name given to similitudes drawn from nature or from human affairs, especially those suggesting or containing a short narrative, which Christ used to convey a spiritual meaning. No sharp line distinguishes the Parables from the minor, metaphors and similes which are a feature of His teaching, but between 30 and 40 distinct Parables can be recognised in the Synoptic Gospels».

The parables are one of the most distinctive features of Christ’s teaching. They are not allegories, in which every detail has a meaning, nor yet simply anecdotes of which the purpose is to convey a purely moral lesson. They are greatly in the closeness or otherwise of the story to the reality it is desired to illustrate. But there is one main point of comparison in each Parable, and apart from this the details may, or may not, have a particular meaning [10, 1029].

The Greek word parable is used to translate the Hebrew mashal, which can refer to different kinds of sayings, including a byword or a proverb. The particular form of sayings which biblical scholars refer to as a “parable” proper consists of a brief story involving some point of comparison with a situation in life to which the speaker wishes to draw the attention of his hearers. The usual purpose is that a judgment can be passed upon the situation through the exercise of the motions of indignation or ridicule. A classical example in the OT is the story of the ewe lamb told by Nathan David [2 Sam. 12:1 - 10].

In the NT one of the most striking features about the ministry of Jesus is his teaching in parables. Christian commentators used to treat these as allegories, which every detail being supposed to have some significance. In reaction to that it was suggested by A. Julicher that a parable had one point only. It seems wiser to allow that we must look for the main point, but that there may be subsidiary points of importance and that some parables may contain features of well-known symbolism which must, in a limited sense, be taken allegorically. The parables of Jesus are concerned with the nature and coming of the kingdom of God. C. H. Dodd has suggested that the whole of their original meaning was connected with the immediate situation of the ministry of Jesus, but valid reason for denying some future reference in addition [9, 746].

Еврейское слово «машаль», переводимое как «притча», означает также «пример» и «образец», тем самым «притча задает некоторые модели поведения, помогает человеку сделать правильный выбор в той или иной ситуации» [7, 14].

Обращаясь к русскому и английскому переводам Библии, отмечаем интересный факт: в английском переводе слово «притча» встречается всего лишь несколько раз, оно всегда заменяется. Например: «Когда же собралось множество народа и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить *притче*:...» [1, 1059], читаем мы в русском переводе. В английском варианте: “One day Jesus told this *story* to a large crowd that had gathered from many towns to hear him” [8]. Или: «Замечая же как званые выбирали первые места, сказал им *притчу*...» [1, 1108], в английском варианте переведено как “When Jesus noticed that all who had come to the dinner were trying to sit near the head of the table, he gave them this advice...” [8, 588]. «Книга притчей Соломоновых» в английском переводе называется “Proverbs”.

Все приведенные определения свидетельствуют о том, что проблема терминологическая решена не до конца. В Новом завете на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык

мы находим слово притча.

Притчи встречаются в Ветхом завете, но особого совершенства она достигла в учении Христа. Большая часть притч, собранных в «Книге притчей Соломоновых», приписывается царю Соломону, хотя некоторые из них, возможно, появились раньше. Одну из наиболее известных притч использовал пророк Нафан для обличения греха царя Давида [2 Цар 12:1 – 6].

Большинство притч связано с повседневной жизнью, в них мало религиозных элементов, многие притчи превратились в пословицы. Притчи и изречения рассказывают, как поступать в различных жизненных ситуациях.

Притчи, как особого рода жанровые образования, введенные в контекст проповеди Христа, встречаются только в трех Евангелиях Нового Завета: Матфея, Марка, Луки. В Евангелии от Иоанна не только нет подобных текстовых образований, но и говорится об отказе Христа от притчи как особого языка христовой проповеди. В главе 16 Христос говорит: «Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце» [Иоан. 16, 25]. То есть тем самым подчеркивается, что притча уже выполнила свою основную задачу.

Исследователями установлена историческая последовательность создания канонических Евангелий, самым старшим из которых является Евангелие от Марка, краткость его указывает, по мнению ученых, на связь с традицией устной проповеди. Притча у Марка представлена довольно скупо.

Евангелия от Матфея и Луки являются более поздними. Следует отметить, что притча в них, в отличие от Марка, представлена необыкновенно обильно – особенно у Луки, где содержится большое количество притч с оригинальной фабулой, не встречающихся ни у Марка, ни у Матфея. Причем многие из них отличаются большим количеством бытовых реалий первых веков нашей эры, чем напоминают нам новеллы («Притча о милосердном самарянине», «О Богаче и нищем Лазаре», «О фарисее и мытаре» и др.).

Евангелие от Иоанна, согласно церковной традиции, написано последним из четырех. И притчи, как уже было замечено, в нем отсутствуют. Нет их в других текстах Нового завета.

Заметно, что в Библии понятие «притча» имеет несколько значений: 1. пословица («Вот всякий, кто говорит притчами, может сказать о тебе: “какова мать, такова и дочь”» (Иез. 16:44)); 2. мудрое изречение (их мы находим в Притчах Соломона, Книге Екклесиаста, Книге премуд-

рости Соломона); 3. краткий рассказ, в простом сюжете которого скрывается глубокий смысл (их содержат Евангелия от Матфея, Марка и Луки). Сюжет и поучение в притче имели одну цель – дать пример, образец для подражания.

Известно, что евангельские притчи имеют не двухчастную, а трехчастную форму. В Евангелие между основным текстом притчи и ее разъяснением обычно имеется рассуждение о необходимости притч. Кроме того, интересно и толкование. Ученые вводят понятие «метап-ритчи», то есть притчи о притче, комментирующей не только саму притчу, но и рассуждение о притче.

Учитель выбрал этот способ повествования, так как притча – это образный, иносказательный рассказ, сюжет, в котором неявно присутствует ключ к разгадке некоторой тайны или поучение. На галилейском диалекте арамейского наречия, на котором говорил Иисус, притча называлась «матла», это слово означало всякий яркий образ, басню, загадку.

Притчи, рассказанные Иисусом Христом, призваны раскрыть людям смысл «благой вести» (Евангелия). Говорится в них о самых обычных, повседневных вещах и событиях: о сеятеле и растущем семени, о неводе, о сыновьях и рабочих, о свадьбе и долгах и многом другом.

Иисус использовал те сравнения, метафоры, которые были наиболее употребляемы в его эпоху, были известны слушателям из Ветхого завета. Бога он сравнивал с отцом, царем, судьей, хозяином дома, владельцем виноградника, а людей в их отношении к Богу – с детьми, слугами, должниками, гостями. Страшный суд он сравнивал с жатвой, спасение – со свадебным пиром, участь неправедных людей – с огнем и мраком.

Часто использовалось преувеличение, за образом оно помогает увидеть религиозную истину. На греческий слово «матла» часто переводили как «гипербола» – «преувеличение».

Притчи Иисуса меняют свою тональность на протяжении Его земного пути. В начале Его служения они вплетены в проповедь, обращенную ко всем. Притчи строятся исключительно на «мирном» материале – сеется и растет хлеб, на каких-то житейских мелочах – потерянная драхма и т. п. Затем образы, используемые в притчах, меняются – царь, идущий на войну, убитый сын хозяина виноградника.

Евангельские притчи – не просто житейские иллюстрации некоторых нравственных истин, а обращение к совести человека. Поэтому персонажи притч часто не имеют определенного характера и лишены психологического характера

(некий человек, некий юноша).

Например, Христос рассказывал притчу о том, как некий человек, «отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов (денежная единица евреев), другому два, а иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего» [Мф. 25.14 – 18]. Потом же, когда пришла пора отчета, рабы, умножившие данные им таланты, принесли нажитое ими господину и получили от него награды. Но когда зарывший талант в землю попробовал вернуть своему хозяину лишь то, что тот ему дал, он встретил неожиданное негодование: «Лукавый раб и ленивый!».

Эта притча говорит о самом главном в отношениях Бога и человека: человек – сотрудник Божий, но, чтобы он реализовал себя в качестве такового, ему сначала надлежит принять от Бога «таланты», дары: жизни, добра, творчества. Самое главное в жизни христианина – его спасение и возможность обновления – дано ему как дар: «...благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» [Еф. 2.8 – 10]. Дар же прежде всего требует принятия, а затем уже и ответа. Христианин должен быть открыт к новым вдохновениям, новым вразумлениям. Эта открытость стоит в основе богообщения. Все будет человеку дано, но сначала – «восклонитесь», предстаньте перед Дающим, обратитесь к Нему.

На вопрос ученика: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» - Иисус отвечает: «Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» [Мф. 18.21 – 22].

Ветхий завет тоже учит любви, но лишь той, которая была сильна человеку в те времена: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». Сын Человеческий впервые говорит о любви Бога к Своему творению как об образце для людей: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», потому что Создатель «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [Мф. 5.43 – 45].

«Не судите, да не судимы будете, ибо ка-

ким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» [Мф. 7.1 – 2], - учит Христос.

Судить – совершать духовный грех, оценивать грех, наказывать или прощать его – вправе только Бог. Христианство призывает ненавидеть грех, но любить грешника.

Одна из притч, рассказанных Христом, известна как притча о блудном сыне. Некий юноша, повзрослев, решил, что может обойтись без отца. Он потребовал свою долю наследства, получил ее и промотал на чужбине. Случайные друзья бросили его в нужде, и он вынужден был наняться пасти свиней. Горшей участи иудеи не могли себе представить: свинья считалась нечистым животным, и даже прикосновение к ней оскверняло человека. Не вынес унижений и голода, юноша решил вернуться назад, соглашаясь даже на участь раба в отчем доме. Но отец принял любимого сына с великой радостью и устроил в его честь пир.

Эта притча говорит об отношениях Бога и человека. Оставивший Бога человек бездарно растратил свое наследство – власть над природой, духовные дарования – и впал в ничтожество. Но он может покаяться, вернуться к Небесному Отцу и будет радостно принят как сын и наследник.

В эпоху Ветхого завета, особенно в периоды притеснений со стороны иноверцев, среди иудеев утвердилось представление о Царстве Божием как о земной власти и благоденствии Израиля, который восторжествовал над своими врагами. В этом смысле истолковывались и слова пророков о грядущем преображении земли и изгнании с нее зла. В проповеди Христа Царство Божие открывается как Царство Небесное.

Царство Небесное таинственно проникает в земную жизнь, преобразая ее, приобщая людей к вечной божественной жизни. Об этом говорят притчи Христа.

Следует бережно принять то, что дает Бог человеку для спасения. Об этом говорится в известной притче о сеятеле. В ней рассказано о том, как семена (учения) падают на разную почву (в разные человеческие души). На каменистой почве (в черством сердце) росток божественной любви может погибнуть.

Все притчи, рассказанные Христом две тысячи лет назад в далекой Палестине, оказались актуальными в наше время. Мы предлагаем более подробно остановиться на одной из них, притче о милосердном самарянине.

Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сня-

ли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издежишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе [Лк 10:25 – 37].

Одной из главных проблем этой притчи является проблема равнодушия, которая и в то время была не менее актуальна, чем сейчас.

То, что произошло в этой притче, было хорошо известно слушателям. Дорога из Иерихона в Иерусалим была очень опасной в то время. Известно, что Иерусалим находился почти на тысячу метров выше Иерихона, их соединяла узкая дорожка, петляющая по скалистым ущельям. Здесь постоянно происходили грабежи и убийства, поэтому люди называли эту дорогу «красной» или «кровавой дорогой». Содержание притчи просто: избитый и ограбленный человек умирает у дороги, он очень нуждается в помощи. Первый из идущих по дороге был священник. Он увидел раненого и прошел мимо. В греческом тексте «перешел на другую сторону дороги», продолжив свой путь. По закону, священниками могли быть только потомки Аарона. Они носили особые одежды, должны были приносить в храме определенные жертвы. Прикоснувшись к лежащему, священник мог бы оскверниться и тогда должен был пройти через особые обряды очищения. Он также не знал, иудей ли этот человек или чужой, тогда он не смог бы совершить богослужения. Греческий текст говорит, что священник спускался по дороге, тем самым мы понимаем, что он возвращался из Иерусалима, уже исполнив свои обязанности. Христос упрекает рассказанной притчей священнослужителя в том, что он остался равнодушен и не помог нуждающемуся.

Вторым прохожим был левит. Левиты были потомками колена Левина, они помогали священникам в храме. Можно было ожидать, что этот человек поможет раненому, однако он «подошел, посмотрел и прошел мимо». Он также не оказал помощь раненому. Конечно, ни священник, ни левит не были злодеями, они не сочли нужным тратить время и силы на то, чтобы помочь раненому.

За ними проходил самарянин. И это, пожалуй, самое неожиданное место в притче. Самаряне (самаритяне) – народ, само название кото-

рого звучало для иудеев презрительной кличкой. Потомки ассирийских завоевателей и некогда побежденных ими иудеев, жившие в области под названием Самария, долгое время сохранили остатки языческих верований, поклонялись своим богам. Постепенно вера в единого Бога вытеснила эти верования, но самаритяне приняли лишь часть Священного писания, имели свои религиозные обычаи и свой храм на горе Гаризим. Иудеи воспринимали самаритян как врагов истинной веры и народа Божия. Самарянин поступает иначе, он помогает раненому. О нем говорится, что он «сжалился» над ним. Этот глагол используется, чтобы показать, что человек умеет сопереживать ближнему. Ближний – это не только единоведец, говорит Иисус своей притчей, но мало возлюбить всех дальних и ближних, любовь должна быть деятельной, требующей от человека не только определенного состояния души, но и конкретных действий. Самарянин, презираемый в обществе иудеев, поступил так по зову сердца, а не из каких-либо корыстных целей. Самарянин привез раненого в гостиницу, заплатил ее владельцу, чтобы тот позаботился о нем. Эта притча учит настоящему милосердию и состраданию к ближнему. Она тем более актуальна в наше время, когда многие люди особенно озлоблены, ставят личные интересы на первый план.

Здесь обнаруживается не только преемственность с Ветхим заветом, но и кардинальное отличие. Ветхий завет обращен к иудеям, Новый завет – ко всем людям, вне зависимости от того, к какому народу они принадлежат.

В литературе XX века притча спрятана в произведении. Это объясняется целым рядом причин. За истекшие века цивилизация определила приоритет развития материальной сферы во многом в ущерб духовному миру. Многие понятия и ценности утратили первоначальную ясность своего содержания. Кроме того, современные авторы делают ставку на личностное восприятие нравственности в связи с гомоцентрической философией. Думается, это объясняется тем, что многие сферы человеческой жизни тяготеют к упрощению, появляется техника, которая делает жизнь человека гораздо легче, многое становится примитивным. Поэтому в литературе явное скрыто, чтобы заставить человека задуматься, самому найти ответы на поставленные вопросы.

Можно ли обойтись без притчи? На этот вопрос ученикам ответил сам Господь: «Вам дано знать тайны Царства Божия, а тем внешним все бывает в притчах» [Мк 4.10 – 11]. Притча – это язык, с помощью которого знакомые всем вещи открывают тайны неведомого мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. - М., 1992.
2. Гече Г. Библейские истории. - М., 1989.
3. Дьяконов И. М. Поэзия и проза Древнего Востока. - М., 1973.
4. Кривелев И. А. Библия: историко-культурный анализ. - М., 1982.
5. Нюстрем Э. Библейский словарь. - СПб., 1999.
6. Полный православный богословский энциклопедический словарь. - М., 1992. Т. 2.
7. Священный Владимир Хулап. Истории, рассказанные Христом. - М., 2008.
8. Holly Bible. New Living Translation. Illinois, 1997.
9. The New International Dictionary of the Christian Church. British Edition, 1974.
10. The Oxford Dictionary of the Christian Church edited by F. L. Gross. - Oxford, 1974.
11. The Zondervan Pictorial Encyclopedia of the Bible. USA, 1975.

M. Sergantova

THE PROBLEM OF THE MODERN INTERPRETATION OF THE BIBLE PARABLE

Abstract. The theme of the article is actual nowadays, because the interest to the parable has raised in literature and in the science. We study the problem of the term. We also examine the didactics of the bible parable. We analyse the parable of the Good Samaritan.

Key words: parable, the didactics of the parable

УДК 37.025.7+75

Спирина М. В.

К ВОПРОСУ О МЫШЛЕНИИ И ЕГО СВЯЗИ С РИСУНКОМ ПЕРОМ

Аннотация. Статья ссылается на рисунок тушью посредством рисования с натуры, по памяти и представлению. В исторической части объясняется происхождение готического подлинника, языка жестов и чистописания (Греция, Египет и Европа). Дается практическая рекомендация к рисованию тушью.

Ключевые слова: Восприятие, пиктограмма, изобразительная деятельность, условный знак

В основе метода подготовки студентов-педагогов лежит изучение объектов посредством рисования с натуры, по памяти и представлению.

В процессе обучения студенты изучают приемы работы и техники различными материалами. Среди них есть перо и тушь. Сейчас конечно, этот инструмент может заменить перьевая ручка, роллер, гелиевая или капиллярная ручка, все эти инструменты дают возможность рисовальщику понять и почувствовать основной элемент рисунка – точку и линию. Точка является основным элементом, множество точек дает линию. Аналогичную картину мы можем проследить на экране монитора. На экране компьютера точка (пиксель) - начальный элемент, растр, цифровая единица, а множество таких элементов – точек (пикселей) дает нам линию и изображение в целом, т.к. все они состоят из точек.

По мнению ученого И.М. Сеченова, чув-

ственным знаком при восприятии предмета является контур, и «этот знак является разделительной гранью двух реальностей». В руках художника бумага и перо, линия, проведенная по плоскости листа, уже является частью нового пространства. В световоздушной перспективе - чем легче и тоньше линия, тем дальше от зрителя предмет. Также несколько поставленных на листе точек можно отнести к пространственному расположению.

Еще один важный момент, на который нужно обратить внимание - это взаимодействие белого фона бумаги и черного цвета туши (либо монохромных оттенков). В графике большую роль играет картинная плоскость листа. Здесь важно увидеть и применить это «незаполненное» пространство, связать с элементами изображения. Вся деятельность художника тесно связана с работой мышления. Мышление строится на определенных процессах, сопряженных с восприятием окружающей действительности, предметах, явлениях.

Что из себя представляет этот процесс, как он связан с изобразительной и образовательной деятельностью в процессе жизни человека, нам поможет материал, собранный на основе философских и психологических произведений великого русского учёного И.М. Сеченова. Он первым в истории науки поставил перед собой задачу разработать и объяснить законы внешних проявлений психической деятельности человека.